

*«Красота ваби-саби и видима
и незрима одновременно, ведь
она находится в глазах смотря-
щего, а не в самом предмете».*

Йоко Оримо

РАФАЭЛЬ ВИДАЛИНГ

WABI SABI

ГЛОТОК СЧАСТЬЯ
ПО-ЯПОНСКИ

УДК 304.3
ББК 87.815
В42

Raphaële Vidaling
WABI SABI
Trouver la beauté dans l'imperfection

Впервые опубликовано на французском языке Editions Gallimard,
Париж

Перевод с французского Анны Гличевой

Видалинг Р.
В42 Wabi Sabi : Глоток счастья по-японски / Рафаэль Видалинг ; Пер.
с фр. А. А. Гличевой. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. —
256 с. : ил.

ISBN 978-5-389-24732-1

Ничто не вечно, ничто не закончено и ничто не совершенно. Воплощая в себе глубокую мудрость дзен-буддизма, японская концепция ваби-саби дарит новый взгляд на мир, красоту, мораль и образ жизни, позволяя вырваться из плена общепринятых представлений о «благополучии» и ответить взгляд от ложных целей, обратив его к главному.

Эта книга окажет неоценимую услугу каждому, кто желает раскрепоститься и переосмыслить свою жизнь, поставив во главу природное, а не возделанное, естественное, а не искусственное, незначительное, а не символическое, шероховатое, а не гладкое, непредвиденное, а не предусмотренное...

Отдохните душой в прохладной тени идей, изложенных на страницах этой книги, чтобы сделать глоток свежего воздуха в душном мире соперничества, расчета, приобретательства, гонки за достижениями. Оцените прелесть минимализма и сдержанности, неправильных форм и незавершенности, чтобы сделать первый шаг на пути к принятию несовершенства всего сущего и осознанию величия бесконечности.

УДК 304.3
ББК 87.815

ISBN 978-5-389-24732-1

© Editions Gallimard, collection Noëbeke, 2023
© Гличева А.А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри®

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВАБИ-САБИ

В японском языке слова *ваби* и *саби* образовали устойчивую пару еще в далекие Средние века. Однако понятие *ваби-саби* не утратило своей актуальности и по сей день, ведь его смысл универсален и лежит вне времени.

Концепция ваби-саби воплощает в себе глубокую мудрость дзен-буддизма и охватывает целую систему взглядов на мир, красоту, мораль и образ жизни, основанную на принятии несовершенства и непостоянства мира. Ваби-саби высоко ценит такие качества, как скромность, простота, умеренность и естественность и не только принимает несовершенство мира, но и видит в этом несовершенстве красоту, способную благотворно повлиять на состояние духа.

Подобное восприятие красоты берет начало в китайском искусстве, из которого японские мастера переняли минимализм в поэзии, и в IX веке — монохромную живопись. Эта тенденция во многом вдохновлена «честной бедностью» (qīng pín), идеалом китайских отшельников эпохи Шести Династий, приверженцев конфуцианства; а в более общем смысле — стремлением к умеренности, свойственным дзен-буддизму, японскому варианту чань-буддизма, который пришел в Китай из Индии и впитал в себя немало идей даосизма.

Слово *ваби* обозначает уединение, сельскую жизнь вдали от удобств цивилизации. Это может показаться безрадостным и тоскливым стороннему наблюдателю, но не тому, кто осознанно выбрал этот путь: для таких людей уединение — это возможность вести спокойную, умеренную жизнь вдали от светских условностей.

Смысл же *саби* в большой мере связан с истощением, увяданием, распадом и неизбежным исчезновением всего в мире; однако слово *саби* выражает не только печаль из-за скоротечности жизни, но и очарованность налетом времени и чуткостью взгляда, способного заметить красоту в тусклом мерцании того, что некогда ярко сверкало.

Оба этих слова изначально использовали для обозначения мрачных сторон жизни; однако в XIV–XV веках, в эпоху Муромати, оценка значения «*ваби*» и «*саби*» стала меняться на все более позитивную: в это время устанавливаются пра-

«В литературе изящнее всего экспромты: в них есть место тишине; а в живописи — монохромные картины: в них есть место пустоте».

ХАРУО САТО (1892–1964). Об элегантности *фурюу*

вила проведения чайной церемонии, в которой философия и эстетика ваби-саби начинают играть главную роль.

Важно понимать: чайная церемония очень далека от светского чаепития в хорошей компании. Термин «церемония» не совсем точно передает японское название этого ритуала, зато верно отражает важность этого процесса: он длится несколько часов и подчинен строгим правилам, а чайные мастера не перестают совершенствовать свое умение на протяжении всей жизни. С проведением чайных церемоний связано множество искусств, и приготовление чая — всего лишь одно из них.

«Искусство чая» получило название *тядо* — «путь чая». В японском языке иероглиф *до* — «путь» — включен в названия занятий, связанных с самореализацией и личностным совершенствованием, прохождением духовного пути: кроме всем нам известных *дзюдо* и *айкидо* существуют еще и *кодо*, «путь благовоний», — искусство составления благовоний, *кюдо*, «путь лука», — искусство стрельбы из лука, и еще один синоним *икебаны*, *кадо*, — «путь цветов», то есть искусство составления цветочных композиций. Чайная церемония — духовная практика, основанная на философии дзен-буддизма, один из главных прин-

Неизвестный автор эпохи Эдо. Сэн-но Рикю

ципов которого — восприятие повседневной жизни как пути просветления.

Чай в качестве лечебного напитка привез в Японию из Китая один буддийский монах. Это было в IX веке, а уже позднее, в XII, другой монах, Эйсай, завел в монастырях обычай пить порошок зеленого чая маття, или матча, как его называют в Европе: средство, помогающее бодрствовать на долгих сеансах медитации дзадзэн.

В XVI веке чаепития стали элитной формой досуга, представители высшего общества состязались между собой в том, кто обладает самыми изысканными и дорогими сервизами, привезенными из Китая. Первым, кто восстал против этой моды на роскошь, был чайный мастер, буддийский монах Мурата Дзюко (1423–1502), который призвал к отказу от пышности и максимальному упрощению процедуры в соответствии с духом дзен. Он заменил дорогую китайскую посуду простой, даже грубоватой керамикой производства местных ремесленников, что породило бурное недовольство в обществе: это и стало началом ваби-саби.

Почти столетие спустя культура ваби-саби достигла своего апогея под влиянием самого известного из мастеров *ваби-тя* (чая ваби), Сэн-но Рикю (1522–1591). Он окончательно закрепил в правилах проведения церемоний использова-

«Ваби-саби представляет собой полную противоположность идеалам Запада, где красота воспринимается как нечто монументальное, зрелищное и долговечное. <...> Ваби-саби — это что-то маленькое и сокрытое, неуверенное и эфемерное. Это явление настолько тонкое и мимолетное, что взгляд обывателя неспособен его распознать».

ЛЕОНАРД КОРЕН. *Ваби-саби. Японская философия для художников, дизайнеров и писателей* (1994)^[1]

Кацусика Хокусай (1760–1849). Утварь для чайной церемонии

ние простой посуды, отказался от налета ненужной роскоши, чтобы ничто не отвлекало участников церемонии от сосредоточения лишь на настоящем моменте, «здесь и сейчас», и больше ни на чем. Чайные комнаты тоже изменились: церемониальное пространство существенно уменьшилось, войти внутрь можно было только склонившись или опустившись на колени: это должно было напоминать высочайшим господам о том, что они не отличаются от других простых смертных. В ту эпоху Японию раздирали войны, и чайный домик был символом прибежища, тихой гавани и внутреннего мира, достичь которого — целая наука.

XVI век в Японии стал периодом развития и новаторства в сфере искусств, попавших в это время под влияние эстетики ваби-саби, оказавшейся созвучной духу той эпохи. А ваби-

саби, как мы помним, видит красоту в несовершенстве, простоте и неброскости, считает непостоянство непреложным законом, которому подчинено существование всего в нашей постоянно изменяющейся Вселенной, дорожит налетом времени и следами, оставленными трудностями и испытаниями, а творения природы ценит больше, чем то, что сделано человеком. Таким образом, все роскошное, блестящее, образцовое и дорогое уступило сцену простому, скромному, шероховатому, небрежному, странному и потертому и даже тому, что можно назвать попросту некрасивым. Безусловно, подобные изменения не вызвали восторга представителей знати, для которых обладание благами и предметами роскоши было доказательством их избранности и высокого положения в обществе.

Тем не менее принципы ваби-саби распространились не только на практику чайных церемоний, но и на все виды искусства, с ними связанные: на керамику, живопись, каллиграфию, искусство цветочного украшения ниш *токонома*, выбор кимоно для чайных церемоний, архитектуру чайных домиков (которая в это время претерпела значительные изменения), а также на *модзи*, искусство обустройства чайных садов. Леонард Корен, современный автор, который внес существенный вклад в распространение идей ваби-саби, следующим образом характеризует это зародившееся в Японии течение: «Ваби-саби можно назвать всеобъемлющей эстетикой. Система его взглядов замкнута на себе. Оно предлагает интегрированный подход к пониманию всего сущего (метафизика), к сакральным знаниям (духовность), эмоциональному равновесию (состояние души), поведению (мораль), внешнему виду и качеству вещей (материальность)»^[21].

После смерти Сэн-но Рикю правила проведения чайных церемоний все больше отдалялись от изначальной

простоты, и столетие спустя заданные Рикю эстетические принципы во многом ушли из культуры чайных церемоний, однако по сей день продолжают влиять на жизнь и искусство в Японии — ведь они отражают идеи дзен, глубоко укоренившиеся в японской культуре.

Высоко ценивший идеи Рикю философ и общественный деятель Соэцу Янаги в 1920-х годах разработал теорию «Мингэй», призванную возродить традиционные ремесла. Янаги написал эссе под названием «Красота неправильности», в котором пишет: «Ни в одной стране искусство несовершенства не взращивалось с такой заботой, как в Японии. Слово «саби» можно перевести как «одиночество», но в контексте буддизма речь идет о прекращении привязанности. Красота чая — это красота «саби». Ее можно еще назвать красотой бедности или красотой простоты».

Соэцу Янаги призывает вернуться к «будзи», то есть к изначальному порядку вещей, миру, каким он был до того, как на многое навесили глупые ярлыки «банального» или «зурядного». «Нет идеала, который выходил бы за рамки обычного. Обыденность и есть порядок вещей. Красота обычного, красота будзи — это и есть высшая красота».

Соэцу Янаги призывает вернуться к «будзи», то есть к изначальному порядку вещей, миру, каким он был до того, как на многое навесили глупые ярлыки «банального» или «зурядного». «Нет идеала, который выходил бы за рамки обычного. Обыденность и есть порядок вещей. Красота обычного, красота будзи — это и есть высшая красота».

«Когда становится совсем уж немого, возникает желание перебраться куда-нибудь, где живется полегче. А когда ты наконец осознаешь, что, куда бы ты ни перебрался, легче не станет, рождаются стихи, создаются картины».

Нацумэ Сосэки. Изголовье из трав (1906)^[3]

«...Нет света без тени и нет психической целостности без недостатков. Резюмируя, можно сказать, что жизнь взывает не к совершенству, а к целостности, поэтому необходимы "колючки в теле", страдание от изъянов, без чего нет прогресса и нет восхождения».

Карл Густав Юнг (1875–1961). Психология и алхимия^[4]

Утагава Куниёси (1797–1861). Вечерний вид на гору Фудзи (1829)

Логично, что подобное определение прекрасного противоречит представлениям о красоте западных европейцев, выросших на античных идеалах: погоне за совершенством и долговечностью. В то время как римляне изобрели бетон, но отказались от него в пользу мрамора, который казался им более долговечным в контексте грядущих тысячелетий, японцы строили свои храмы из дерева специально для того, чтобы разбирать их и затем возводить заново каждые двадцать лет. Когда европейские завоеватели привозили на родину специи, чтобы сделать вкус блюд еще ярче, японцы с закрытыми глазами сосредоточенно смаковали пресный белый рис. Европейцы связывают слово «свет» с эпохой Просвещения, величием и расцветом Европы, ваби-саби же больше ценит тень и полумрак. В европейских регулярных парках царит симметрия, газоны безупречно подстрижены, а цветы пленяют своей яркостью. Посетители же японского сада теряются на его извилистых дорожках и наслаждаются оттенками зеленой листвы — считается, что этой гаммы более чем достаточно, чтобы порадовать глаз.

Европейцам, воспитанным в духе соревнования, гонки за академическими наградами и олимпийскими медалями, стремящимся повышать свою эффективность, довольно

Шло Ми. Бамбук (1629)

сложно понять философию ваби-саби. Действительно, разве легко признать красоту несовершенства людям, которых окружают призывы «быть лучшей версией самих себя», добиваться целей (*Just do it!*), выглядеть моложе своих лет, носить одежду известных брендов, проводить отпуск под солнцем в любое время года, да еще и с экранов кинотеатров и страниц комиксов на них смотрят популярные супергерои, наделенные сверхспособностями. Нам говорят о необходимости контролировать, защищать и даже спасать природу, навязывают страх пустоты и тут же предлагают множество способов ее заполнить, это порождает боязнь одиночества, заставляет избегать темноты... Как научиться спокойно наслаждаться текущим моментом в эпоху, когда жизнь превратилась в безумную гонку между прошлым и будущим?

Не стоит с ходу представлять ваби-саби идеалом и противопоставлять эту философию западному мировоззрению, для начала лучше всего просто прислушаться к себе, понаблюдать, что в нас сопротивляется, когда мы пытаемся рассмотреть непривычную и неочевидную красоту — и обретаем умиротворение — несколько иное, чем то, что мы испытывали до сего дня. Поставить себя в какой-то мере на место людей эпохи Муромати, которым внезапно объявили, что безобразное может быть прекрасным, что недостаток лучше, чем избыток, и что именно смерть придает особую ценность настоящему моменту. Это же настоящая революция в мышлении!

«Мы же хотим быть поэтами нашей жизни, и прежде всего в самом мелком и обыденном!»

Фридрих Ницше (1844–1900)^[5]

Интересно, что эта революция заключается не в словах. Слов здесь всего два: «*ваби*» и «*саби*». Ваби-саби можно было бы назвать «дзен вещей», ведь именно вещи воплощают идеи. Разбитая чаша, восстановленная в технике *кинцуги*, одним своим видом донесет до нас идею красоты небезупречного. Изыщество засыхающей ветки в икебанае без слов зародит в душе нежное сочувствие и, может быть, удержит вас от того, чтобы выдернуть очередной седой волос.

Что же касается пустоты, той самой пустоты, что окутывает собой камни в саду, которая сгущает тишину чайных комнат, насыщает гравюры воздухом и дает простор для воображения, давайте доверимся ей и впустим ее в наш мир как одну из граней прекрасного, позволим ей нежно ослабить нашу хватку за ту картину мира, которую хотим и призываем видеть, и немного смягчить ее неизбежное исчезновение в большой окончательной пустоте.

Эта книга позволяет понять ваби-саби не только разумом, читая эти строки, но и на практике, через руки, напряженно работая с материалами, — и это совсем другой вид познания. Эстетические принципы ваби-саби здесь (немного искусственно) разделены на семь граней, которые и определяют темы глав: скромность, неправильность формы, следы времени, минимализм, приглушенный свет, естественность, случайность.

Все вещи со страниц этой книги легко сделать самим: здесь нет места сложным задачам и перфекционизму. Простые, неброские, необычные, порой хрупкие, часто маленькие, они вдохновлены Японией, сделаны не по чертежам и правилам, а созвучно с поэзией случайности. Главная их идея в том, чтобы дать почувствовать умиротворяющую истину: если страдание порождено сопротивлением, то путь к счастью лежит через принятие действительности, напол-

«Наша основная иллюзия — это вера в то, что мы способны постичь абсолют, достичь совершенства, полноты, вечности. <...> В то время как разумнее было бы признать нашу неправивую хрупкость и неизбежную конечность бытия. Еще одно заблуждение — считать свое “я” самостоятельным творцом. В то время как наши «я» не обособлены друг от друга. <...> Они — просто частицы превосходящего их потока, в который попали. Важно понять, что мы не более чем посредники, и через нас происходит жизнь Вселенной. Лучшее, что мы можем сделать, — это послужить ей».

Николя Гримальди, французский философ (р. 1933)

нение жизни бережным вниманием и уважением к окружающему потоку. Идите навстречу тому, что неизбежно, и когда создаете маленькую вещь, и в жизни. Думаю, это можно было бы назвать «путем созидания».

КРАСОТА СКРОМНОСТИ

Сдержанный, простой, неяркий
и неброский, шероховатый
и безыскусный, стиль ваби-саби
отвергает классические ценности
и основывается на скромной
красоте без излишеств.

ВЗГЛЯНИТЕ НА КРАСОТУ ПО-НОВОМУ

«Нет красоты совершеннее, чем та, что уже есть», — говорят дзен-буддисты. К чему тогда тратить силы и деньги, стремясь заполучить редкие, изысканные предметы искусства, сделанные именитыми мастерами из так называемых «благородных» материалов? Ваби-саби отвергает критерии «благородного», восхваляет бедность и оспаривает любую иерархию, призывая замечать красоту в самых обыкновенных вещах, даже в тех, которые мы обычно обходим вниманием, считаем некрасивыми, а то и вовсе отправляем в мусорное ведро. Ваби-саби меняет привычный формат нашей системы ценностей, отказываясь от традиционного разделения всего на хорошее и плохое, уродливое и красивое.

В самых богатых японских домах в токонома — нишах для предметов искусства — и сегодня нередко можно увидеть каллиграфии с заветом ученика Конфуция Яня Хуэя: «Один *дан* — для еды, один *пяо* — для питья». *Дан* — это небольшая деревянная миска, а *пяо* — черпак из тыквы горлянки, эти два предмета и составляли все имущество философа. Этот идеал строгой умеренности, который переимут впоследствии китайские отшельники эпохи Шести Династий (III–VI вв.), в значительной степени вдохновит принципы ваби-саби: материальная бедность, духовное богатство. Философ Догэн всячески призывал к самоограни-

Издание для досуга
Бос уақытқа арналған басылым

Видалинг Рафаэль

Wabi Sabi

Глоток счастья по-японски

Редактор *Н. Галактионова*
Художественный редактор *Н. Данильченко*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Е. Бударгина, О. Левина*
Верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.06.2024.
Формат 75×110/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,22.
Тираж 3000 экз. G-PBJ-33713-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+